

скому секретно съѣздить въ Харьковъ и разузнать тамъ, что можетъ, о Симплонскомъ. 5-го декабря этотъ чиновникъ отправился въ Харьковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Абриколевой онъ былъ встрѣченъ человѣкомъ съ запискою отъ Мѣдкиной, которою она приглашала чиновника къ себѣ. Транскій заѣхалъ въ Абриколеву. Тамъ Мѣдкина, нѣсколько оправившаяся отъ болѣзни, заявила ему, что ей Византиновы уже сказали о доносѣ и приложенныхъ къ нему клочкахъ письма, и она можетъ сказать, что это было за письмо. Оно было написано родственнику ея мужа, въ Одессу, но не было еще отправлено. Мѣдкина объяснила полицейскому чиновнику, что она полагаетъ, что письмо ея было похищено Симплонскимъ и рассказала слѣдующій фактъ. Однажды Византинова внезапно вошла въ комнату, гдѣ на диванѣ у стола, на которомъ было положено письмо, сидѣлъ Симплонскій. Увидѣвъ входящую хозяйку дома, онъ «отшатнулся отъ стола и замѣтно смѣшался до того, что небрежно развалился къ концу дивана, какъ бы лежалъ». Кромѣ того, Мѣдкина подтвердила, что Симплонскій, при своемъ отъѣздѣ изъ Абриколевой, наговорилъ хозяйкамъ дерзости.

Транскій прожилъ нѣкоторое время въ Харьковѣ. Тамъ онъ узналъ о Симплонскомъ, что послѣдній, австрійскій полякъ, родомъ изъ Галиціи, воспитывался въ Вѣнѣ и Вильнѣ и, прибывъ въ Харьковъ для экзамена на лѣкарскій дипломъ, не имѣетъ практики и, по видимому образу жизни, не желаетъ вступать въ государственную службу. Курскій полицейскій чиновникъ, согласно предписанію своего начальства, поручилъ наблюденію харьковской полиціи Симплонскаго, а самъ, не обнаруживъ ничего новаго по дѣлу о доносѣ, возвратился въ Обоянь. Тамъ Транскій занялся разысканіями о подателѣ на почту доноса на Византинову и Мѣдкину. Устроено было секретное наблюденіе. По справкамъ оказалось, что черезъ нѣсколько недѣль послѣ отправленія доноса, на почту являлся какой-то человѣкъ, отправившій письмо въ Кіевъ; онъ росписался въ подавательской книгѣ почеркомъ очень схожимъ съ тѣмъ, которымъ была сдѣлана росписка въ подачѣ письма, въ которомъ впослѣдствіи оказался доносъ. Что же это былъ за человѣкъ? Собранными свѣдѣніями было удостовѣрено, что податель письма въ Кіевъ — служитель доктора Абелляра. Такое неожиданное открытіе привело въ смущеніе Транскаго. По его мнѣнію трудно было бросить на Абелляра тѣнь подозрѣнія. Онъ, сколько было извѣстно обоянской полиціи, «не обнаружилъ еще такой злой склонности, которая должна была быть сродна человѣку, рѣшившемуся на такое злодѣяніе, какъ оклеветаніе Византиновой и Мѣдкиной». Тѣмъ болѣе, что и послѣ казуса съ доносомъ, Абелляръ продолжалъ навѣщать, для лѣченія, Византинову и Мѣдкину, и онѣ не имѣли на него никакого подозрѣнія... Напротивъ, обѣ довѣряли ему; а Мѣдкина паки и паки просила Транскаго: «сдѣлать обыскъ Сим-